

Михаил Сергеевич Максимов

Пережи-Евать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56960188

ISBN 9785005116710

Аннотация

В книге автора нашла свою новую форму городская лирика 21-го века. Это новый сентиментализм, воплощенный в сценических монологах и скетчах, в декорациях родного города.

Содержание

Переживать	6
Гром	8
Новый день	9
Детское	10
ВЕРНУТЬСЯ	11
Прогулка	12
Море	13
Разговор	14
Листья	15
Просто	16
Напишу	17
Уйдешь	18
Простывший	19
Про молодость	20
Детство 2	22
Качели	23
Хлопья	24
Почему	25
После нас	26
Кривое зеркало	27
Бессонница	28
Палата №6	29
Герой нашего времени	30

Ракета	31
Пакет	32
В голове	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пережи-Евать

Михаил Сергеевич Максимов

Дизайнер обложки Игорь Гrefенштейн

Редактор Константин Гришин

Верстка Кирилл Колосов

© Михаил Сергеевич Максимов, 2020

© Игорь Гrefенштейн, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-1671-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПережИвать

Годучай,
И беспечные степи
Через тонкие праведные пальцы
уснувшей казашки.

Алыча,
И ко мне тянутся дети,
Пытаясь достать до края
белой длинной рубашки.

Ничего,
Я могу удержаться в седле.
Я смогу, в этих степях не остаться
облачной пылью.

Этот день
Расплывается солью во мне,
да и память красным коршуном
расправила крылья.

Успокой
Теплый ветер мне в спину,
Сжатый воздух смешай
с бесконечною синькою неба.
Я душой
Ощущаю тонкие силы,

Что вплетаются в желтые косы
Кусачего лета.

Гром

Гром. С неба падает гром.
И, конечно, я в нём не услышу себя.
Чтобы рассказать всем о том,
Что я убит и влюблён в красоту сентября.
Пой, ветер, в кронах, и спи.
Каждый лист тобой сбит. Засыпает земля.
В бой идут одни старики.
Не касаясь, легки
Их шаги, как и я.

Новый день

Будет день, да будет пища,
Будет пища, будет новый день.
В зимней куртке отыскалась тыща,
Так удачно начался апрель.
Греет солнце, грею я улыбкой
Каждого, кто встретился в пути.
У меня в кармане золотая рыбка
С Ярославом Мудрым на груди.
С чистой совестью, как у ребёнка,
Наслаждаюсь в парке красотой.
Птички звонко напевают «Голубой вагон».

Детское

Украду украдкой,
Спрячу под столом.
Маленькие лапки
Радуют теплом.
У меня котёнок!
Длинные усы,
Голос звонкий тонок,
Просит колбасы.
Мама, папа, можно?
Будем мы дружить!
Никогда мороженное
Не буду я просить!
Сладких ват не надо,
И сиропов тоже,
Только котя рядом...
Мама, папа, можно?

ВЕРНУТЬСЯ

Иногда хочется вернуться в детство.

Найти бы средство.

И вот он я – пятилетний,

Несу одуванчики маме,

Чтобы потом оставить в стакане.

И мне кажется – мир так прекрасен,

Что не хватит слов описать его.

Мир так светел, полон красок.

Ему не знакомо слово «зло».

Руки мои легко тянутся к небу,

Словно в нём, далеко, наверху,

Есть что-то неизвестно такое,

Что на вкус ощутить я смогу.

Там мои коленки стертые до боли,

Но я счастлив, я словно во сне,

Будто боль стоит немного

И на сдачу выпала мне.

Только как найти это средство?

Это детство, это детство.

Будет вечно идти по пятам.

Прогулка

В который раз иду я по улице,
И, кажется, падает небо.
Слова в прозу не преобразуются.
Воскресенье. Продается верба на каждом углу.
Какое странное слово – улица!
Ещё страннее дать улице имя.
В Нагорном парке кажется
Сильнее неба – падение.
Глаза протираю, сомнений сажа...
Кто я? Кто ты? Летние тени?
Записать, нарисовать бы
Мгновение каждое, и, может,
Увидит тот, кому не плевать.
Я сделаю это позже.

Море

Море волнуется раз.
Я выхожу из подъезда.
Мимо бежит детвора,
Догоняя детство.
Я бегу вместе с ними,
Несколько лет, едва,
Есть ли у юности имя?
Море волнуется два.
Море волнуется три.
В парке, с коляской, сыном,
Такие короткие дни...
Мы взрослые, любимые.
Море волнуется, море...
Десять, пятнадцать, двадцать...
Плывём вместе с тобою,
Плакать или смеяться?

Море волнуется, море —
Время хитрее лисицы.
Книжка и кружка кофе,
Надо ли торопиться?

Разговор

Я обнял берёзу крепко,
И услышал разговор
Высоко смотрящих веток,
Слог ветров, текучий спор,
Манят голоса из древа,
Создают печальный стон,
И берёза будто дева,
Будто мать, что кличет в дом.
Я же сын, и я-то знаю,
Отчего грустит она,
Оттого, что я вырастаю
В эти дикие края...
Корни длинные плетутся,
Расстилаются везде.
Скоро матери коснутся
На родимой стороне.
Обниму берёзу крепко,
И услышу тишину,
Ветер не коснётся веток
Прекратит он песнь свою.

Листья

Ты говоришь: «Пора, хватит,
Тебе завтра на учебу.
Превращать сегодняшнее вино в воду,
Воду в буквы, буквы в слова, слова в диалоги,
Диалоги вопросы к себе и вселенной».
Почему? Как? Зачем? Кто мы и где мы?
«Вот тебе и учеба», – говоришь ты.
А сама смотришь под ноги,
И в глазах твоих просветление,
Мгновение и ты.
Листья.

Просто

Все кажется просто:

мелодия осени

на спящих

усталых

ночных

фонарях.

Стучатся мне в окна

Кленово-мохнатые лапы

нового дня.

Напишу

Я тебе напишу самые красивые строки,
Заверну в фольгу из самых нежных эпитетов.
Положу под дверь, позвоню и сбегу.
В моноспектакле
ты будешь
единственным зрителем.

Уйдешь

Ты однажды уйдешь,
Не дочитав свою книгу,
Не сполоснув свою кружку —
Ты сохранишь интригу.
Будто на пару минут,
Будто так, в магазин,
Будто к соседке ушла —
Чтоб попросить аспирин.
Кот будет ждать у двери,
Телефон разрываться без толку.
Вышивка тихо умрет,
В себе не заметив иголки.

Простывший

В моем теле опять другой.
Он простывший пассажир трамвая,
Он застрявший между зубов
Системы неравенства равных.
Он приплывший с подводной лодки,
Он поддатый сосед с площадки,
Он уснувший на верхней полке,
Выставивший грязные пятки.
Мое тело – чужой хлам,
Заболевшее, уставшее, злое.
Если нужно, даром отдам,
В багажнике есть запасное.

Про молодость

Я не слишком молод, не слишком стар,
Я не слишком, не слишком, не слишком.
Я застрял где-то между танцующих пар,
Вместо мыслей серьёзных мыслишки.
Посылаю к чертям я спокойствие лет,
Далеко, далеко, далеко.
Я последний оставшийся горный абрек,
Распевающий грозно «Моя Сулико».
Я последний джедай, между светом и тьмой,
Апельсин заводной, заводной, заводной.
Я читатель и автор Умберто Эко,
До ре ми и фа соль, молоко и фасоль.
Если взять и собрать мою волю в кулак,
То не слишком, не слишком, не слишком...
Сил не хватит Сансары круг разорвать,
В старом теле наивный мальчишка.
Я как будто бы молод, я как будто бы стар,
Я все больше как Будда, как будто, как будто.
Вижу-слышу немного, знаю больше, чем надо,
Без детали детский конструктор.
Без детали детский конструктор,
Без дета детски конструкторо
Бе де дет костру

Детство 2

Эх, детство! Проехало рядом
На трехколесном велосипеде
Странной бранью злого соседа,
Змеиным шипением лимонада.
Эх, детство! Показало дулю,
Сложенную из букв-кубиков,
В молоке намокшими бубликами,
Выстрелом, пистоном-пулей.
Эх, детство! Как сука щемится
К щенятам в дальний угол,
В карман предателя друга,
Под лавку игрушечной мельницы.

Качели

Свет и вязь небес,
Шестиструнная гитара.
На столе и во мне
Чёрствая старость.
Рядом сутулость куртки,
Несколько дневников.
Очень удобно для дурки
С почерком для докторов.
Утро приходит обычно
Со скрипом качелей.
На улице дети и птицы
Для меня неразличимы.
Дети, как птицы, и наоборот —
Смех водопровода,
Календарь – двухтысячный год —
Тысячу лет я не трогал.

Хлопья

Печально всеобъемлющее небо,
хлопья снега – словно продолженье жизни.

Хлопья снега.

Ты не идешь, уже стоишь,
так просто.

Мимолетно телом ощущая
движенье в воздух.

Мимолетно понимая вечность,
но только

на секунды и не капли больше
на дольки —

снова делишь – ускоряя ход
шагам и мыслям,

пока не тонут эти хлопья,
в весенних числах.

Почему

Почему же так плохо, а должно быть так хорошо,
Почему внутри погода зеркалит – то дождь, то жара?
Почему я считаю – что что-то такое нашёл?
Только что? Вспомнить пытаюсь с трёх двадцати до утра.
Почему-то никто не приходит меня навещать,
Не спешит меж тротуаров, трамваев с бутылкой вина,
Не играет в соседней комнате счастливый ребенок,
Не приносит наивный рисунок, где папа, мама и я.
Почему же так плохо, а должно быть так хорошо?
Целый мир под ногами, захочешь – весь забери.
Потому что те, кто постоянно хочет ещё и ещё,
Добровольно себя загоняют в глухой лабиринт.

После нас

После нас – коробка старых совместных фото
На фоне ковра и чешской стенки.
Сделанный из жёлтой капельницы робот,
И на губах вечный вкус молочной пенки.
После нас фонари у дома горят новым светом,
Тысячей скрученных или разбитых лампочек,
Ещё шестизначные счастливые билеты,
Остались в шортах соседских мальчиков.
После нас.

Кривое зеркало

Лето близится,
чем больше его,
тем меньше меня.

Лето – как новоселье в квартире.

Жизнь – как попадание в тире.

Мысли близятся,
как льдины в реке размышлений.

А меня бы не было,

Если не процесс самопоглощения.

Бессонница

Просыпаешься в три тринадцать.
Чёрт! Не уснуть!
Завернуть бы сны дурацкие
Глубоко вовнутрь.
Пляж, Анапа, мертвые скальники,
Дом на берегу.
Галька режет пятки. Без оглядки,
Как сумасшедший, бегу.
Туда, где вода делит напополам небо, и меня заодно.
Мне тринадцать, а тем трем китам вдалеке лет так сто.
Зашвырнуть бы галькой себя
Прямо к ним, по воде.
К горизонту, где яркий рассвет
Отражается лучами на дне.
Отражается лучами во мне.

Палата №6

Привет, доктор. Сегодня я не опоздал,
И готов сдать свой психоанализ.
Я месяц не нарушал предписаний:
Не перебирал нервно пальцами.
Не вырезал буквы из вчерашних газет,
Не составлял слова в угрозы.
Наступал по дороге на все трещины,
Не говорил вслух с телевизором,
Завел в доме собаку, позже женщину.
Наполнился по уши оптимизмом.
Может быть, доктор, измените диагноз?
Выпишите мне такую справку:
«Болен с осложнением. Тяжелый сарказм.
Никогда не пойдет на поправку».

Герой нашего времени

Да, я герой! Надену пальто и чёрную шляпу,
Выкину вещи, сожгу паспорт, пристрою кота,
Употреблю аспирина пару стандартов,
Если застрелят – не будет болеть голова.
Выйду в промозглый, прокуренный город,
Сам закурю, избавив от иллюзий Творца.

Ракета

Мальчик построил ракету.

Сел в нее и улетел.

Для обывателей по небу летела комета —

Одна из бессмысленных космических стрел.

Пакет

Я смотрю на небо и вижу пакет, висящий на дереве.
Что ему мои ветра, осень-зима-весна и даже лето!
Что ему я, если я птица, если мои перья и вера – в полёт.
Костер на земле ему только пепел.
Мне до неба рукой, как веревке до ветки.
И все что я хотел – делал нехотя,
А все что не хотел – делал сам нередко.
Я смотрел на небо. И не видел ничего.
Кроме пальцев, сквозь – только решето.
И день ни день, и ночь ни ночь.
Без меня давно все решено.

В голове

В голове оркестр без дирижера.
Палочка сломана, брошена в угол.
Это, как после крепкого сна, – ещё и кома,
Это, как отрешение друг от друга.
Это, как солнце, но, как будто, луна,
Это вещие сны – в которых нет дна.
Жёлтый карлик станет звездой,
Разразится руганью бранной,
А оркестр будет немым молчать,
Не раскрывая оркестровую яму.
Это, как движение по удаленной,
Это песка в песочных часах тонны.
А в голове сумятица, каламбур,
Неразбериха, хлам, кавардак,
Я дурак, а сколько вокруг дур! Брр...
По сплетению нервов – наждак.
Это как мелодия без музыки,
Это крики по ушам контузии.
Ах да, про оркестр в голове,
Там и дирижер без палочки,
Там огромное столпотворение,
Мыслей без надетой наволочки.
Словно бескомпромиссный ствол,

Ближе к виску. Бах! Падение. Пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.